

двух возможных путей. Система может пойти дальше, по пути своего развития, т.е. возвести новейшие отклонения в ранг «нормы» и закрепить их. Так, например, поступила система английского языка, «узаконив» многочисленные морфологические инновации и перейдя на новый этап своего развития – среднеанглийский период.

Таким образом, внутри системы существует постоянный конфликт «нормы» и отступлений от нее. С одной стороны – необходимость выполнять свою функцию, т.е. идти к достижению функциональной цели, ведет систему к постоянному самосохранению. Если инновационные процессы, возникшие спонтанно на каком-либо подсистемном уровне, выйдут из-под контроля, система может погибнуть, т.к. она перестанет выполнять свою функцию. С другой стороны, система существует во внешней среде и чутко реагирует на изменения извне. Языковая система существует в социальной среде – обществе и выполняет свою основную функцию – коммуникативную. Общество не стоит на месте. Оно развивается и изменяется, поэтому язык обслуживающий это общество, развивается вместе с ним. Для того чтобы служить средством коммуникации, язык должен изменяться, включая в себя все новые номинации и выражения, описывающие новые явления жизни общества. Если язык не будет этого делать, то он перестанет выполнять коммуникативную функцию. Система языка должна удовлетворять изменяющиеся потребности общества путем собственных изменений и собственного развития, не забывая контролировать при этом ход этих изменений.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛЕКСЕМЫ ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

В.В.Дёмичева, О.И.Еременко
Белгородский госуниверситет

Для представления и системного описания семантического поля концепта, репрезентируемого лексемой *женщина*, необходим учёт социальных факторов и определение той позиции, которую общество занимают по отношению к женской личности в определённые исторические эпохи.

Считается, что XVIII век коренным образом изменил отношение русского общества к женщине, дал ей свободу, освободил от “геремных оков”, что должно было вызвать к жизни новые номинации, которые представляют собой “ключ, открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности” (Попова, Стернин, 1999: 12). Положение женщины, действительно, изменилось, если говорить о светской даме, однако общество нового времени занимало противоречивую позицию в этом вопросе.

В отношении к русской женщине XVIII века действует несколько тенденции. Первая из них связана с традицией восприятия женской личности в древнерусскую и старорусскую эпоху, когда, как утверждает историк Забелин, наш предок не мог соединять со словом *женщина* того понятия,

которое ему придаётся, поскольку само это слово едва ли было знакомо нашей древней письменности (Забелин, 1992: 8). О таком традиционном восприятии женщины ёмко и точно сказал Г.К. Котошихин: “Московского государства женский пол грамоте неучёные, и не обычаем тому есть, а природным разумом простоваты, и на отговоры несмышлёны и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества у отцов своих живут в тайных покоях, опричь самых ближних никого не видят. И потому можно дознаться, от чего б им быть гораздо разумными и смелыми” (Котошихин, 1913: 34). Эту же идею в различных формах высказывали и “Русская правда”, и “Домострой”. Следует отметить, что социальную неравноправность женщины утверждал и свод законов Российской империи, где, например, крестьян исчисляли лишь душами «мужеска пола». Религиозная идеология, вековые традиции семейного, патриархального уклада настойчиво утверждали ущербность женщины.

Вторая тенденция базируется на первой и, учитывая взгляд на русскую женщину, подтверждает, что русский человек старается не замечать в себе и окружающей его действительности положительных черт, которые сразу становятся заметны иностранцам. Так, один из иностранных писателей отмечает: «Хотя в России много восточного, но в одном она – совершенная противоположность с востоком: русские женщины были тогда более развиты и стояли выше по образованию, нежели мужчины. Многие из них знали до полдюжины разных языков, умели играть на различных музыкальных инструментах и близко знакомы с творениями лучших поэтов Франции, Италии, Англии» (См. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды, 1895: 26).

Третья тенденция в отношении к женщине определялась её социальным статусом. Так, светская женщина “была допущена до мужской компании”, ей позволено жить открытым домом. Как говорит Н.М. Карамзин, “россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступило место азиатскому принуждению” (Карамзин, 1993: 107). При этом общество зорко следило за тем, чтобы было как можно меньше вольности в поведении девушки и женщины, поэтому раздел “Девическое целомудрие” в своеобразном кодексе нравственности “Юности честное зеркало” повторяет постулаты “Домостроя”, стараясь указать женщине, в чём её высшее предназначение, высшее счастье и благо. Это естественно, поскольку и светская женщина XVIII века, по словам Белинского, “не женщина в европейском смысле этого слова, не человек – она не что другое, как невеста”, а невеста и жена всегда смиренна, всегда в заботах по дому, по хозяйству, то есть человек домашний. Образованной светской женщине вообще чужда была сама идея профессионального труда. Это тоже выражение вековой традиции восприятия русской женщины высшего сословия.

Несколько другим был взгляд общества на женщину-помещицу, так как она претендует быть правительницей только в области домашнего хо-

зайства, что вполне отвечает русской традиции в отношении к женщине. Она, как ей и предписано, домоправительница, её удел – быт, здесь она имеет возможность проявлять свои способности, свой ум, ей позволено быть хозяйкой, поскольку была на своём месте. В XVIII веке было даже такое понятие, как “женское правление”, которое включало всё, что относится до продовольствия, кухни, гардероба, домоустройства.

Ничего не изменил XVIII век в отношении к женщине-работнице и крестьянке, которая никогда, в отличие от светской дамы, не была “теремной затворницей”, но по отношению к которой никто и не употреблял слово женщина, поскольку крестьянка и работница для русского человека всегда ассоциировались со словом баба. И жила эта баба по старинной поговорке: “Кому воду носить? – Бабе. Кому битую быть? – Бабе. А за что? – За то, что баба”. В крестьянском быту женщина всегда находилась под гнётом самых тяжёлых работ, ей не приходилось выбирать, каким трудом заниматься, она была и жательницей, и гребеей, и вязеей, коровницей, телятницей. В городе женская прислуга светских дам состояла из портних, белошвеек, кружевниц, блондочниц, галуниц, прядильщиц, парикмахерш, гувернанток, бельмоёк, посудомоек.

Таким образом, допущенная Петром I до мужской компании женщина XVIII в. могла лишь более свободно появляться на приемах, балах, ассамблеях и в салонах; ни одна из женщин не допускалась в Правительственный Сенат или Думу, в науку, литературу, медицину. Образованной женщине этого времени не было необходимости заниматься профессионально каким-либо видом деятельности.

В XIX столетии ситуация коренным образом меняется, и в отношении к женщине начинают действовать уже другие тенденции. Именно в это время российское общество четко осознало, что «от положения женщины весьма много зависит целый строй общества» (Карнович, 1865: 4). На протяжении столетия происходит эволюция во взглядах на роль женщины как в общественной, так и в семейной жизни.

Одна из тенденций связана с распространением в начале XIX века идей сентиментализма и романтизма, под влиянием которых в обществе получает распространение представление о женщине как о нежном, чудесном создании, которое живет для облагораживания общества, поэтому нуждается в охране от чрезмерных умственных занятий, поскольку излишняя образованность может лишь уменьшить «женские прелести».

Вторая, причем основополагающая тенденция, была связана, с зарождением в русском обществе движения за эмансипацию. Уже в начале столетия русское общество начинает заботиться о «умственном развитии» и образовании женщин. Так, появляются журналы, рассчитанные специально на читательниц, например, «Журнал для мыльных» (1804 г.), «Московский Меркурий» (1805 г.), «Дамский журнал» (1823 г.). Именно чтение книг, главным образом романов, определяет умственный кругозор дворянской женщины в первой четверти XIX века. И если это считалось для женщины-

дворянки XVIII столетия опасным и не совсем приличным занятием, то теперь оно превратилось в обычное времяпрепровождения не только столичных, но и уездных дам и барышень.

В середине века в отношении к женщине происходят еще более разительные перемены. Женский вопрос, открытый для обсуждения в 30-е годы, приобретает небывалые масштабы. Российское общество должно было признать теперь, что “умственные способности принадлежат женщинам, так же как и мужчинам, и если в этом случае допустить разницу, то она состоит скорее в качестве или свойствах способностей, чем в их объеме или обширности” (Современник, 1850, №2: 62). Дискуссии о положении женщины, ее месте в обществе протекали теперь в салонах и журналах, на сходках, в кружках и университетах. Журналы “Современник”, “Отечественные записки”, “Русское слово” и др. начали поход за совершенствование женского образования, за ослабление семейного деспотизма, за право женщины на профессиональный труд. «Традиционный образ русской женщины из дворянского сословия уже не удовлетворял многих его представительниц, и они пыгались найти себя в каких-либо сферах общественной жизни» (Петров-Эннекер, 1993: 174).

В это время на историческую арену выходят “новые люди”: разночинцы, выходцы из средних слоев общества, стремившиеся переделать жизнь на новых разумных началах. Нигилистские настроения, проявившиеся в отрицании феодальной нравственности, презрении к культу вещей, богатству, широко распространяются к середине XIX века, в том числе и среди женщин. Prestижными становятся такие качества, как самопожертвование, готовность к подвигу во имя народа, уважение к женщине, чувство собственного достоинства, трудолюбие, самостоятельность. И естественно, что эта “бурная пора наложила особенно яркий отпечаток на женщин, на весь их облик, на поведение и манеры, на образ мыслей и занятий” (Водовозова, 1987: 222).

Русский нигилизм сформировал и закрепил новый тип русской женщины. Женщина для нигилистов это не только жена и мать, но и единомышленник, друг, соратник по труду. По убеждению “новых людей”, освобождение личности нужно начинать с низшей ячейки – семьи, построенной, по их мнению, на угнетении и неравенстве. И в первую очередь это касалось женщины – жертвы семейного деспотизма, рабыни отца или мужа. Причем представители крайне левой точки зрения по этому вопросу наряду с требованием полного освобождения женщин, представления ей политического и гражданского равноправия с мужчинами предлагали уничтожить брак вообще, как явление в высшей степени безнравственное и немислимое при полном равенстве полов.

Следует отметить, что старые, идущие еще от XVIII века тенденции в отношении женщины продолжали действовать. Многие передовые мыслители XIX столетия выступали против эмансипации. Среди них были Н.С.Лесков, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой. “Нам добрые жены и матери

добрые нужны, - писал в одной из своих статей Н.С.Лесков. - В них нуждается Россия более, чем в гениальных министрах и генералах. Наша страна такова, что она семьєю крепка; наши нравы таковы, что мы чтим женщину более всего хорошую семьянинку, и от этого идеала наш истинный русский человек не отступится” (Литературная библиотека, 1867, ноябрь: 226).

Изменение отношения к женщине ярко проявилось и в том, что в это время «вся печать и авторитеты единодушно утверждали необходимость поднять женский труд и дать женщине возможность работать для общего блага наравне с мужчинами” (Щеголов, 1884: 6). Именно в это время женщины начинают претендовать на мужские профессии и тем самым на равноправие, поскольку “положение ея (женщины) во многих случаях обуславливается применением женского труда к различным родам общественной и частной деятельности”, и поскольку “вопрос о женском труде ближе всего примыкает к вопросу о независимости женщины” (Карнович, 1865: 4-5). Женщины начинают работать в журналистике, литературе, причем не только стенографистками, корректорами, переводчицами, но и литературными критиками, журналистками, писательницами. Теперь уже никого не могло удивить, что женщины становятся врачами, учителями, юристами, посвящают себя творческой деятельности, занимаются наукой. По свидетельству историков, “к концу века женщины составляли почти половину преподавательского состава в начальной и средней школе, значительным было их участие в медицине, науке, искусстве, литературе” (Петров-Эннекер, 1993: 178).

Нельзя не отметить, что обществу того времени трудно было признать за женщиной какие-либо права, в том числе и права на труд. Проявлялось это в негативном отношении общества к профессиональной деятельности женщин. Кроме того, “самодержавие чинило профессионально образованной женщине всевозможные препятствия. К числу мер, сопровождавших эту политику “сдерживания”, относились недостаточное финансирование женских курсов, недопущение женщины к государственной службе, ущемление в ряде привилегий (табель о рангах), дискриминация в заработной плате и т.д.” (Петров-Эннекер, 1993: 178).

Изменение отношения к женщине проявилось и в изменении системы женского образования. В 1859 г. в стенах Петербургского университета появилась первая женщина, допущенная либеральной профессурой к лекциями в качестве вольнослушательницы. Вскоре в Петербурге открылись Высшие женские курсы, вошедшие в историю под названием Бестужевских. Впервые в истории России женщины начали получать знания в университетском объеме. Курсы много сделали для развития народного образования. Многие бестужевки стали учителями, работали в библиотеках, из их рядов вышло немало ученых, писательниц.

Примечательным является тот факт, что в отличие от XVIII века, все эти изменения затронули не только женщин из привилегированных сословий. Круг женщин, получивших образование, обратившихся к профессио-

нальной деятельности, в этот период значительно расширился. Среди них все чаще стали появляться выходцы из самых различных слоев общества, и, прежде всего из разночинской среды.

Как видим, положение женской личности существенно эволюционирует на протяжении исследуемого периода. Пржнее положение «жертвы чужой безусловной власти ..., до замужества рабы родителей, после замужества – вещи мужчин» (Белинский, 1928: 56), а также положение “вдохновительницы и утешительницы мужчин” уже не может удовлетворять женщин XIX столетия. Представительницы прекрасного пола стремятся получить образование, стремятся к общественной и профессиональной деятельности, экономической и юридической независимости и свободе. К концу века значительно расширился круг женщин, добившихся права на высшее образование, права заниматься деятельностью, которая всегда было прерогативой мужчин. Естественно, что сдвиги в социальной и культурной жизни вызвали изменения в языке, в его номинативной системе, в содержании концепта, репрезентируемого лексемой *женщина*. Без учета всех этих социальных факторов невозможно полноценное и систематическое описание содержания данного концепта.

Библиография

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. - Т.1. - М., 1928.
2. Водовозова Е.Н. На заре жизни / В 2-х т. - Т.2. - М., 1987.
3. Забелин И. Е. Домашний быт русских царств в XVI - XVII столетиях. - Новосибирск: Наука, 1992.
4. Карнович Е.П. О развитии женского труда в Петербурге. - СПб., 1865.
5. Карамзин Н. М. Избранные сочинения. - Т. 1. - М., 1993.
6. Котопихин Г.К. Текст сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича». - СПб.: тип. Глазунова, 1913.
7. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. - М., 1989.
8. Литературная библиотека. - СПб., 1867 (ноябрь).
9. Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Вопросы истории. - № 3. - 1993.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1999.
11. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. - Киев, 1895.
12. Щеголев В.Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. - СПб., 1884.

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ РЕЛИГИОЗНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.П.Дронова

Тамбовский госуниверситет

“Язык не есть нечто существующее только в пространстве, как бы ряд отражений одной и той же вневременной картины мира в различных сознаниях. Язык движется во времени по своему собственному течению. Язык дрейфует” (Сепир, 1993: 140).